

Р. М. Баталова, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург 1995. 197 с.

Коми-пермяцкая диалектология последних лет обогатилась еще одним изданием — книгой «Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка», опубликованной Финно-угорским семинаром Гамбургского университета в качестве VI выпуска серии «Унифицированное описание диалектов уральских языков».

Автор книги Р. М. Баталова имеет за плечами солидный багаж публикаций в области коми-пермяцкого языкознания и богатый опыт работы по сбору и обобщению материалов по коми-пермяцким диалектам. Достаточно в этой связи упомянуть три ее монографии: «Коми-пермяцкая диалектология» (Москва 1975), «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки)» (Москва 1982) и «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» (Москва 1990).

Рецензируемая книга как и «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» и другие монографии из той же серии выполнена на основе «Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков», составленной профессорами К. Е. Майтинской (Москва) и В. Фезнкером (Гамбург) и одобренной на заседании специальной комиссии в Будапеште в августе 1988 года. В соответствии с требованиями инструкции работа включает следующие разделы: «Введение» (с. 3—11), «Фонология» (с. 12—27), «Морфонология» (с. 28—47), «Словообразование» (с. 48—66), «Морфология. Словоизменение и морфосинтаксис» (с. 67—137), «Синтаксис» (с. 138—169), «Образцы лексики» (с. 170—185) и «Образцы текстов» (с. 186—194). Завершает ее «Содержание» (с. 195—197). Новыми по сравнению с традиционным монографическим описанием диалектов в пермских языках здесь является более подробное описание морфонологических явлений (раздел 3) и синтаксических особенностей (раздел 6).

Во «Введении» дана краткая история изучения диалекта с библиографией, представлены сведения о носителях диалекта и определено его место в коми-пермяцком лингвистическом ландшафте. Раздел удачно дополнен уточненной схемой диалектного членения коми-пермяцкого языка (с.

5), отличающейся от ранее представленной этим же автором (Баталова 1975 : 235) тем, что коми-язьвинский диалект (описание см. Genetz 1897; Лыткин 1961) включен наравне с северным, южным и верхнекамским наречиями в состав коми-пермяцкого языка на правах особого — четвертого — наречия (см. также Баталова 1982 : 6—7; иначе: Лыткин 1955 : 10; 1957 : 52; 1961 : 3, 21). Может быть, для полноты картины нужно было дать и диалектологическую карту коми-пермяцкого языка, хотя бы в увеличенном виде коми-пермяцкую часть общей карты из книги «Ареальные исследования...» (Баталова 1982 : 7).

Р. М. Баталова пользуется традиционной для пермских языков фонематической транскрипцией на латинской графической основе, уточненной в свое время В. И. Лыткиным (1960 : 32—33). Лишь в двух случаях автор вполне оправданно с позиций диалектолога отходит от принципов фонематической транскрипции в пользу фонетической (что считается возможным и допустимым и в удмуртской диалектологии, правда в иных случаях) — при обозначении позиционных вариантов фонем *v* (*v* ~ *v*^o ~ *ʏ*) и *j* (*j* ~ *j*^o). В отношении этих фонем она пишет: «Звук *v* в диалекте имеет сильную позицию лишь в начале слова и в середине слова после согласных; на конце слова и в середине слова перед согласными употребляются его слабые варианты *v*^o и *ʏ*, последний вариант более употребителен, но для удобства в транскрипции передается через *v*^o» (с. 19). В корпусе книги появляется и буква *ʏ* (*asjʏ*^o 'утро' — с. 50), однако ее фонетическое значение не уточняется. «Фонема *j* в инлауте (в позиции перед согласным) и анлауте (аусллауте? — В. К.) выступает в своем слабом варианте»: *vejʏnʏ* 'утонуть', *kajʏ*^o 'поднимись' и др. (с. 20; см. еще: Баталова 1975 : 26, 34).

В данном случае не совсем понятна техническая сторона — почему ослабление фонем *v* и *j* в определенных условиях отмечено знаком огубленности [°], а не иными средствами, в частности, приподнятием соответствующей буквы над строкой (*tjadv*^o*e* = *tjadv*^u*e* 'виднеется', *vaj*^o*nʏ* = *vaj*^u*nʏ* 'нести'), а также почему для обозначения

слабости *v* «второй степени» использован русский графический знак *ŷ* при наличии общеизвестного в транскрипции на латинской графической основе знака *y*.

Что касается лингвистической стороны вопроса, то описанные Р. М. Баталовой фонетические явления *l > v* во всех позициях (с. 20) и далее варьирования *v* в широких пределах (*v ~ v° ~ ŷ ~ ø*) в зависимости от позиций в одном из коми-пермяцких диалектов имеет немаловажное значение для выяснения истории различных видов чередования *v ~ l* в коми языках и позиционного варьирования *l (l ~ ŷ)* в отдельных удмуртских диалектах. Истоки этих явлений, имеющих, по всей вероятности, определенную генетическую связь между собой, к настоящему времени до конца не определены (см. Лыткин 1957 : 119—121; Кельмаков 1993 : 44—45).

Еще одна группа согласных в связи с особенностями их дистрибуции в фонетической структуре нижнеиньвенского слова представляет особый интерес для специалиста в области исторической фонетики пермских языков — это палатальные *l', d' и ŷ*. Это согласные в анлауте, который является слабой для них позицией в диалектах всех пермских языков, способны употребляться в нижнеиньвенском диалекте лишь в определенной категории слов: «... звонкие согласные *d', ŷ* в анлауте встречаются лишь в русских заимствованиях, в исконных словах позиция начала слова для данных звуков несвойственна» (с. 34): *d'eggd' 'деготь', d'erev°ña 'деревня'* и др. (с. 18), *ŷel°ong°j°tnj 'зеленеть', ŷerka° 'зеркало'* и др. (с. 20); «Мягкие (палатальные) согласные *d' и t'* выступают лишь в отдельных исконных словах (обычно звукоподражательных): *t°opetnj 'капать', t°ip 'цыпленок', d°oka 'ловкий, проворный', d°in gjnj 'звенеть'* и др. В заимствованных словах они имеют широкое употребление. Примеры: *d'enga 'деньги', d'ed 'дед', t'er-pitnj 'терпеть', t°orka 'терка'* и др.» (с. 37).

Слова обоих пластов, в которых рассматриваемые палатальные *l', d' и ŷ* представлены в начале слова, несомненно свидетельствуют о том, что анлаутная позиция освоена ими в коми-пермяцком языке (судя по нижнеиньвенскому диалекту) относительно поздно, и эти согласные не могут быть постулированы в данной позиции для пракоми-пермяцкого языка. Если учесть аналогичное положение в удмуртском язы-

ке (Кельмаков 1985 : 278—279; 1993 : 37—38), можно говорить о том, что данное явление фонемной синтагматики имеет по меньшей мере общепермские истоки.

В разделе 3.2.3.3 (Качественные чередования согласных) автором отмечено интересное явление регрессивной ассимиляции согласных, в том числе и шелевых, по звонкости: *keñes dor > keñez dor 'край кадки' (keñes 'кадка', dor 'край'), paškjt dera > paškjd dera 'широкий холст' (paškjt 'широкий', dera 'холст'), gort gegger > gord gegger 'около дома' (gort 'дом', gegger 'около' и др. (с. 43)). Это встречающееся в отдельных севернудмуртских говорах и бесермянском наречии (Тепляшина 1970 : 148—150) явление имеет, по-видимому, определенный ареальный характер; возможно, оно поддерживается и местными русскими говорами, что требует дополнительного исследования.*

В книге уделено весьма серьезное внимание и описанию дистрибуции гласных в фонетической структуре слова — в разделе 2.2.6 (Точное описание отдельных фонем (гласных — монофтонгов, дифтонгов, трифтонгов), с. 13—14), в разделе 3.1.2.4 (Частные случаи ограничения отдельных гласных в разных расположениях, с. 31—32) и в разделе 3.2.2.1 (Дистрибуция и комбинаторика гласных, с. 40—41).

При этом в разделах 3.1.2.4 и 3.2.2.1 повторяется одна мысль: в продуктивных словообразовательных суффиксах гласные *o, u* и *e* не встречаются. В качестве исключения (1) гласный *u* употребляется лишь как зватель-ласкательный суффикс *-u* (*kag-u 'дитяtko'* и др.), в составе заимствованного из русского языка *-ñibud' (kjtñš-ñibud' 'откуда-нибудь', mej-ñibud' 'что-нибудь'* и др.), в суффиксах позднего происхождения из самостоятельного слова *-žug (mort-žug 'человечишко', brigad'ir-žug 'никуда негодный бригадир'* и др.) и *-uv°ja (rad-uv°ja 'от радости', vgg-uv°ja 'со злости')* (с. 31, 40, 48—49, 52—53, 101); (2) аналогично гласный *o* представлен в составе заимствованных из русского языка суффиксов: *-ov°g°j° ~ og°j° (zgr-ov°g°j° 'овсяный', tor-og°j° 'из кусочков (состоящий), кусковой'* и др.), *-ok (šor-ok 'ручеек', pos-ok 'мостик')* (с. 31), *-l'ibo (kjtñš-l'ibo 'где-либо'), -očik (kani-očik 'кошечка', kukani-očik 'теленочек'* и др.), *-očka (kag-očka 'ребеночек')* (с. 48), *-čoka (ñebjt-čoka 'помятче', žaggn-čoka 'медленнее', učgt-čoka 'помаленьку', šočin-čoka 'довольно редко')*

(с. 100), в составе суффикса позднего происхождения от самостоятельного слова *-kod'* (*matjn-kod'* 'довольно близко, близковато', *ječa-kod'* 'довольно мало, маловато' и др.) (с. 52—53); (3) гласный *e* отмечен лишь в суффиксе множественного числа *-ez* (< относительно поздно из самостоятельного слова): *mu-ez* 'земли', *čeri-ez* 'рыбы' и т.д.

Что касается раздела 2.2.6, то там указывается, что все гласные встречаются «в анлауте, инлауте и ауслауте», в том числе и гласные *u*, *o* и *e*. При этом инлаут и ауслаут для последних представлены преимущественно в пределах 1-го слога, в первых же — в составе сложных слов или русских заимствований. Поэтому остается не выясненным отнюдь не праздный с точки зрения исторической фонетики вопрос: как ведут себя рассматриваемые *u*, *o* и *e* в первом слоге исконных многосложных непроизводных основ (если таковые в диалекте имеются).

Ограничения в дистрибуции огубленных *u* и *o* непервого слога в нижнеинвенском диалекте являются подтверждением финно-угорского праязыкового синтагматического закона о невозможности употребления огубленных гласных за пределами первого слога непроизводной основы (следовательно, и в составе суффиксов), который сохранял еще свою силу в общепермский период и оставил следы в современных пермских языках (об этом в связи с удмуртским языком подробнее см. Кельмаков 1975). Что касается ограничения в употреблении гласного *e* в непервых слогах слова в коми-пермяцком языке (судя по нижнеинвенскому диалекту), то этот вопрос требует дополнительного исторического обоснования; в удмуртском же языке *e* входит в состав гласных с неограниченной дистрибуцией (Кельмаков 1975: 70).

Образцово разработаны в рецензируемой книге словообразовательные модели, действующие в группе всех знаменательных частей речи в нижнеинвенском диалекте и состоящие преимущественно из суффиксации и словосложения (с. 48—99); префиксальная же модель представлена единственным случаем — формообразованием при помощи приставки *med-*: *med-ijn* 'дальше всех', *med-šgkjt* 'самый тя-желый' (с. 48).

В качестве частных уточнений, может быть, следует заострить внимание на некоторых деталях:

1) неоправданно повторяется в двух абзацах положение о deverбальном субстантивном суффиксе *-is* со значением 'действитель' и 'действитель, деятель, связанные с действием или состоянием': *tgd-is* 'знахарь', *kor-is* 'проситель', *giž-is* 'пишущий; писатель' и др. (с. 49—50);

2) неточно квалифицируются суффиксы *-in* (значение 'место, связанное с действием или состоянием') и *-a* (значение 'пригодный для определенного действия') как deverбальные, ибо они непосредственно присоединяются не к глагольным, а к отглагольным именным производящим основам, ср. *koštan-in* 'место для сушки' (*koštan* 'сушка; предназначенный для сушки'), *oan-in* 'место для жилья' (*oan* 'жизнь') и др. (с. 49); *koštan-a* 'пригодный для сушки' (см. *koštan* выше) и т.д. (с. 51);

3) противоречиво определен статус элемента *-bjt*: то он включен в состав «деноминальных и deverбальных суффиксов» со значением 'в течение какого-л. промежутка времени' (*rjtj-bjt* 'весь вечер', *oj-bjt* 'всю ночь', *ar-bjt* 'всю осень') (с. 52), то квалифицирован как второй компонент «сложного слова подчинительного типа»: *ojbjt* 'всю ночь' (*oj* 'ночь' + *-bjt* 'в течение всего...') (с. 65). Кстати, сказанное касается и элемента *-kod'* (с. 52—53 и 65);

4) весьма интересен раздел 4.1.4.4 о бессуффиксальном образовании глаголов от субстантивных основ: *tgd-nj* 'знать' — *tgd* 'знание', *iz-nj* 'молоть' — *iz* 'жернова', *zer-nj* 'идти (о дожде)' — *zer* 'дождь' и др., ибо на это явление пермисты обычно не обращают внимания не только в диалектологических исследованиях, но и в описательных грамматиках литературных языков. Однако отнесение в эту же группу пары *dor-nj* 'ковать' — *dor-* 'край' весьма проблематично, так как они имеют различные этимологические источники. На это недвусмысленно указывают их соответствия в архаичных удмуртских диалектах: а) комиП *dor-nj* — удм. лит. *дурь-ны* 'ковать' ~ кукм. *dürâ-nâ*, шошм. *dürj-nj*, татш. *dürâ-nâ*, бт. *dijr-nj*, бес. *dorô-nô* < праудм. **dürj-* < общеперм. **djir-* и б) комиП *dor* — удм. лит. *дур* 'край, кант, обочина, опушка' ~ диал. повсеместно *dur* (редко *dor*) < праудм. **dor* < общеперм. **dor* (КЭСК 95).

Раздел морфологии (6) занимает центральное место в данном исследовании как по степени разработанности материала, так

и, естественно, по объему. В этом разделе подробно рассмотрены имеющиеся в наличии грамматические категории, словоизменение, значения и функции соответствующих форм девяти частей речи (за исключением междометий, которые почему-то не значатся в их составе). Здесь необходимо остановиться лишь на некоторых явлениях морфологии нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка (по данным Р. М. Баталовой).

Падежная парадигма включает 28 (5 из них автор считает «неполноценными») форм — это, по моим сведениям, самое большое количество падежей, представленных в каком бы то ни было из финно-угорских языков. Предельное расширение падежной системы рассматриваемого диалекта произошло в результате абстрагирования в падежные форманты серийных послелогов от трех основ: (1) *vjuv* — 'поверхность' (супересив *-(v)vjn < vjuv^ojn 'на чем-л.', делатив *-viš < vjuv^oiš 'с (поверхности чего-л.)', сублатив *-(v)vg < vjuv^og 'на что-л.' и др.) — всего пять падежных форм и (2) *djn* и *ord-* 'место около (возле)' (приблизительно-местный *-djn < djnin* и *ordjn* 'около', приблизительно-исходный *-diš < djniš* и *ordiš* 'с места около', приблизительно-вступительный *-dę < djnę* и *ordę* 'к месту около' и др.) — всего пять падежей (с. 70—77). Аналогичное явление стяжения послелога в падежный формант имело место во многих финно-угорских языках, в их числе в венгерском, диалектах удмуртского, в отдельных прибалтийско-финских, и оно, по-видимому, нуждается в более углубленном сравнительно-типологическом исследовании.***

В разделе о категории падежа для меня остались неясными два явления: 1) статус самостоятельности достигательного падежа на *-vg (-g)*, который «по форме совпадает с формами датива» (с. 71); что касается его функции, на основе которых в крайнем случае он мог бы быть противопоставлен дативу, то автор оставила их без внимания; 2) автор считает, что форманты аккузатива *-es* и *-se* употребляются лишь с одушевленными существительными, а «неодушевленные существительные никакого форманта не имеют», например: *kornj soj^o-es* 'пригласить сестру', *buretnj kaga-es* 'успокоить ребенка' — но *pirtnj va-ø* 'занести воду' (к сожалению, ни одного примера на *-se*) (с. 72). Однако в текстах часто встречается

аккузативный суффикс *-se* в сочетании с основами неодушевленных существительных: *č a · k s e ko-as go-ras šu-žšnj* 'г р и б ы т о придется на печь сунуть'; *t u r u · n s e koši-v^okaezgn jčkę-nj* 'с е н о косят косилками' и т.д. (с. 186; только здесь мною обнаружено еще свыше десяти аналогичных форм).

В историко-типологическом аспекте весьма интересно, что в сочетаниях существительных с количественными числительными (и другими количественными словами) в диалекте синхронно сосуществуют древнейшая финно-угорская особенность и инновация самого последнего времени: с одной стороны, «определяемое существительное при определении, выраженном количественным именем числительным, а также другими количественными словами, выступает только в форме единственного числа»: *kijk purt* 'два ножа', *kuim vun kež* 'на три дня', *una čak* 'много грибов', *vit kurgę* 'пять куриц', *kijk mort* 'два человека' (с. 69, 94, 140); с другой стороны, «существительные в сочетании с заимствованными числительными принимают заимствованный из русского языка суффикс *-ov/-ov^o*», например: *šes^o ku-reggov^o* 'шесть куриц', *petnacet^o kol'taov^o* 'пятнадцать снопов' (с. 69).

В глагольной системе обращает на себя внимание развитая система видовых суффиксов. Интересно, что формы т.н. рефлексивного вида (выражает однократное, кратковременное действие, совершаемое на некоторое время), выделенного Б. А. Серебренниковым в удмуртском литературном языке, полностью совпадают с формами многократного вида, различение их осуществляется лишь в контексте (ср., напр., видовое значение глагольной формы *õt'ы-лыны* 'приглашать, вызывать': *Köня пол сое хоре õт'ы лй зы* (многократный вид). *Õз мыны* 'Сколько раз ее приглашали в хор. Не шла' — *Солэн бубиз ... лизэ армиясь адзиськыны õт'ы лй з* (рефлексивный вид) 'Его отец ... вызвал (на некоторое время) сына из армии на побывку' (Серебренников 1960 : 135—137, 138)); тогда как в рассматриваемом диалекте они формально различаются: (1) суффиксы *-(v)j*, *-ju^o* выражают кратковременность однократного действия (рефлексивный вид): *vet-vj-n(j)* 'сходить на время', *kešt-ju^o-nj* 'согнуть на время' и т.д.; (2) суффиксы *-vju^o(j)/-vij*, *-av^ov^o(j)/-av^o(j)*, *-ju^ov^o(j)/-ju^o(j)*, *-vju^o* образуют фор-

мы многократного вида: *vet-vij-nj* 'иногда ходить куда-л.', *dor-vjv°i-nj* 'иногда ковать', *pjv-av°v°i-n(j)* 'иногда заходить' и др. (с. 123).

Судя по приведенным примерам, послелоги в нижеиньвенском диалекте сочетаются, как правило, с начальной формой опорного слова (существительного, местоимения или другого субстантивированного слова), и лишь местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа с послелогом сочетаются обычно в форме адессива / генитива, образованной от краткой основы: *mian bgrjn* 'за нами', *tian ponda* 'для вас' — но *na (nj) kuža* 'из-за них' (с. 146). Здесь обнаруживаются некоторые отличия этого диалекта от удмуртского языка, в котором отдельные послелоги могут сочетаться с определенными косвенными падежами опорных слов: *zor-en* (инструменталь) *сэрен* 'из-за дождя', *тёл-лы* (датель) *пумит* 'против ветра' и др. Возможно, нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка сохранил в данном случае более архаичные черты.

Много интересного почерпнет заинтересованный исследователь и в остальных разделах («Синтаксис», «Образцы лексики», «Образцы текстов»).

В книгу, к сожалению, закрылись описки и ошибки, большей частью имеющие редакционный характер, например: *šjre-z* 'мыши' (с. 25) — скорее *šjrrē-z*; лексема *kurgg* 'курица' отнесена к русским заимствованиям (с. 28) — это слово иранского происхождения; речь идет о склонении поряд-

ковых числительных, а представлены формы количественных (с. 86); к временным формам, наряду с настоящим временем, двумя формами будущего и перфектом, причислен императив (с. 107) — по всей вероятности, имелся в виду имперфект; *juiš zonka* 'поющий парень' (с. 116) — 'поющий парень'; *gtragas pemde ni* (личный глагол) 'на улице уже темнеет' (с. 127) — *pemde* в данной конструкции является безличным глаголом; *šož šgrjn* 'посреди пола' (с. 133) — скорее *šož šgrjn*.

Книга Р. М. Баталовой «Нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка» — это в первую очередь синхронное описание современного состояния одного из интересных говоров коми-пермяцкого языка, именно поэтому она является весомым вкладом как в коми-пермяцкое языкознание, так и в пермистику в целом. Монография может быть использована не только теоретическими и практическими работниками Коми-Пермяцкого автономного округа, связанными с разработкой и развитием коми-пермяцкого языкознания, уточнением норм литературного языка, преподаванием его в условиях диалектной стихии, ее материалы могут быть с успехом применены как для исследования истории собственно коми-пермяцкого языка, так и для выяснения более древних лингвоисторических процессов, имевших место в общекоми и прапермский периоды истории пермских языков.

Сокращения

Удмуртские наречия и диалекты: бес. — бесермянское наречие; бт. — буйско-таныпский диалект южного наречия; кукм. — кукморский диалект южного наречия;

татш. — татышлинский диалект южного наречия; шошм. — шошминский диалект южного наречия.

ЛИТЕРАТУРА

Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
 — 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки), Москва.
 — 1990, Оньковский диалект коми-пермяцкого языка, Москва.
 Кельмаков В. К. 1975, Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках. — Вопросы уд-

муртского языкознания, вып. 3. Сборник статей, Ижевск, 65—89.
 — 1985, К вопросу о праудмуртской системе согласных. — СФУ XXI, 272—280.
 — 1993, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.

- Лыткин В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем, часть I, Москва.
- 1957, Историческая грамматика коми языка, часть I. Введение. Фонетика, Сыктывкар.
- 1960, О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков АН СССР, Москва—Ленинград.
- 1961, Коми-язвинский диалект, Москва.
- Серебрянников Б. А. 1960, Категория времени и вида в финно-угор-

ских языках пермской и волжской групп, Москва.

- Сорвачева В. А. 1961, Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка. — ССКЗД, 456—489.
- Тепляшина Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
- Genetz, A. 1897, Ost-permische Sprachstudien. — JSFOu XV, 1—57.
- Кельмаков, V., Saarinen, S. 1994, Udmurtin murteet, Turku—Iževsk (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47).

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

Wolfgang Steinitz, Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache, Lieferung 1—15, Berlin 1966—1993. 016 Seiten + 1—1812 Kolumnen + 1813—2023 Seiten.

Das wohl über den längsten Zeitraum verfaßte Werk in der Finnougristik (Uralistik) steht den Forschern endlich vollständig zur Verfügung! Das Dialektologische und etymologische Wörterbuch der ostjakischen Sprache (= DEWOS) ist in zwei Teilen, in 15 Lieferungen (Lieferungen 1—13: Abkürzungen S. 01—011, Vorläufiges kurzes Vorwort zu Lieferung 1 S. 012—016, [Wörterbuch:] Kolumnen 1—1654, Lieferung 14: Anhang Teil I: Nachwort, Abkürzungen, Personennamen und Ostjakisches Register Kolumnen 1661—1812, Lieferung 15: Anhang Teil II: Register der deutschen Bedeutung, Register der russischen Bedeutungen, Register der etymologisch behandelten Wörter, Berichtigungen und Nachträge) veröffentlicht worden. Der Initiator des großangelegten Werkes war der wohl bedeutendste deutsche Finnougrist Wolfgang Steinitz. Sein früher Tod verhinderte, daß DEWOS unter seiner Leitung auch fertiggestellt wurde. Er starb 1967, im Jahre des Erscheinens der 2. Lieferung, er konnte aber noch das Manuskript der 3. Lieferung redigieren. Trotz dieses ungünstigen Umstandes ist kein Bruch in der Ausführung des Projektes wahrzunehmen, da seine Mitarbeiter (seine einstigen Schüler) die Arbeit sehr erfolgreich und mit großer Sachkenntnis ausgeführt und abge-

schlossen haben. Zu Ehren ihres Lehrers haben sie die Titelblätter der einzelnen Lieferungen im Laufe der Jahre kaum geändert, d.h. das ganze Wörterbuch ist unter dem Namen von Wolfgang Steinitz erschienen. Auf dem Titelblatt der drei ersten Lieferungen steht noch: "Unter Mitarbeit von Liselotte Böhnke [später: Hartung], Gert Sauer, Brigitte Schulze", nach Wolfgang Steinitz' Tod (ab 4. Lieferung) wird Gert Sauer (nur) als Bearbeiter bezeichnet, der die schwere und verantwortungsvolle Arbeit von W. Steinitz mit großer Sachkenntnis fortgesetzt hat; ab der 9. Lieferung hat sich dann der kleinen, aber sehr effizienten Arbeitsgemeinschaft die jung verstorbene Petra Haul angeschlossen.

Die am DEWOS fast 30 Jahre lange Arbeit ist verständlicherweise durch gewisse Unausgeglichenheit geprägt, die eigentlich nur zur Qualität des DEWOS beigetragen hat und die Flexibilität der Arbeitsgruppe beweist: Das im Laufe der Arbeit am DEWOS erschienene ostjakische lexikalische Material und die inzwischen publizierten (oder eventuell damals noch handschriftlichen) etymologischen Stellungnahmen sind beachtet und gewissenhaft eingearbeitet worden. Da am DEWOS so lange gearbeitet worden ist, gilt es schon seit langem als ein